

ГЛАВА 16

На этот раз в традиционный порядок набора учеников вмешался Бессмертный владыка Нин Фэн. Обычно он сторонился дел секты, но теперь неожиданно вызвался стать главным экзаменатором заключительного этапа. Впрочем, верный своей привычке не утруждаться сверх меры, он попросту объединил два последних испытания в одно.

Бессмертная секта Даньцянь при выборе адептов никогда не гналась лишь за высоким уровнем культивации или чистотой духовных корней. Куда выше здесь ценились крепость духа, пронизательность и скрытый потенциал. Именно поэтому каждый раз на отбор стекались сотни тысяч претендентов: каждый верил, что его таланты просто ещё не раскрыты, а дух крепок настолько, что позволит возвыситься над толпой. Те, кому не хватало врождённых данных для других великих орденов, спешили сюда в надежде на улыбку фортуны.

Однако за расплывчатыми понятиями «потенциала» и «мудрости» скрывались суровые критерии. Первый этап — Мост Духовных Корней — отсеивал подавляющее большинство. К финалу добирался едва ли один из сотни.

Второй этап изматывал плоть, а третий — в Зале Истинного Я — и вовсе заставлял многих терять рассудок. Не выдержав столкновения с собственной сущностью, люди превращались в пустые оболочки, безумцев, забывших, кто они такие. Тех же, кто прошёл через это горнило, по праву считали избранными.

Те, кто шёл в Даньцянь за «удачей», редко находили её, зато часто — свою погибель. Риск был огромен, и осторожность здесь требовалась предельная.

Теперь же настал черёд четвёртого испытания. Как выразился Истинный владыка Чан Е, смертельной опасности оно не несло, но страдания сулило невыносимые.

Чан Е, наблюдая за ходом дела, давал пояснения: пятеро участников уже сдались добровольно.

Один из них обратился в камень, который потоки лавы тащили по крутым склонам. Его плоть плавилась, он терпел муки, которым не виделось конца, и в итоге молил о пощаде. Выведя несчастного из магического массива, Чан Е сокрушённо заметил:

— А ведь тебе оставалось продержаться всего мгновение. Поток вынес бы тебя в озеро, ты бы остыл и спокойно дождался конца испытания.

Услышав это, несостоявшийся ученик был вне себя от досады.

Другую участницу окружил рой ядовитых ос. Сами насекомые ещё не успели вонзить в неё жала, но вид копошащейся массы вызвал такой ужас, что девушка немедленно вышла из игры.

Он и ей насыпал соли на рану:

— Сделай ты ещё пять шагов вперёд, провалилась бы в пещеру с водой, где была бы в полной безопасности.

Испытание оказалось коварным. Каково это — лишиться привычной силы и стать крошечным, ничтожным существом, на которое раньше и взгляда бы не бросил? В этом смысле тем, кто вовсе не имел навыков культивации, адаптироваться было даже проще.

Затея Нин Фэна оказалась столь необычной, что на «зрелище» пришли посмотреть не только старейшины, но и сам Глава секты. Собравшись перед Зеркалом Земли и Неба, они наблюдали за происходящим в массиве, пока Чан Ё распинался, доказывая, что методы его учителя — вовсе не злой розыгрыш, а глубоко продуманный и новаторский подход к воспитанию будущих адептов.

Глава секты указал на отражение в зеркале:

— Эти мыши и муравей на вершине горы неплохо устроились. Думаю, они продержатся до самого финала.

Слова Главы стали точкой невозврата. Нин Фэн, вальяжно расположившийся в кресле, прищурился.

— Не факт, — негромко произнёс он. — Скоро пойдёт снег. Вершину завалит.

«Язык мой — враг мой», — тоскливо подумал Глава секты.

Вскоре гладь зеркала подёрнулась белой пеленой. В массиве разыгралась неистовая метель. Те животные, что не успели найти укрытие, замерзали за считанные минуты. Когда сугробы скрыли траву, погибло больше двух десятых участников — суровая природа оказалась безжалостнее любого меча.

Бай Цзянь, сидевший на голове Цзюнь Чи, ошеломлённо смотрел в темнеющее небо.

— Откуда в разгар лета снег? — пробормотал он.

— Мы в массиве, — отозвался Цзюнь Чи. — Старейшинам ничего не стоит изменить правила на ходу.

Глава секты, наблюдавший за ними извне, знал: это не «старейшины», а один конкретный Бессмертный владыка творит, что хочет. Изначально планировалось набрать побольше учеников, но после таких художеств Нин Фэна вряд ли наберётся и полсотни. Возражать,

впрочем, никто не смел — раз испытание доверили ему, значит, его воля закон. К тому же, метод, при всей его странности, действительно выявлял лучших. Вытянуть душу и без вреда поместить её в тело зверя — на такое были способны единицы даже среди великих мастеров.

Цзюнь Чи спросил Кун Сю:

— Глава, припасов хватит?

— Более чем, — ответил тот. — Остался всего день. Даже если поголодаем — не умрём.

— Верно. Переждём буран в норе.

Пять мышей и муравей забились вглубь своего убежища. Сеть прорытых ходов с вентиляционными отверстиями позволяла спокойно переждать непогоду.

— Можно и вздремнуть, — предложил Цзюнь Чи. — Считайте это зимней спячкой.

«Ещё сутки — и я стану частью секты Даньцян», — мечтал Кун Сю.

Но не успел он закончить мысль, как нора содрогнулась.

— Что это? Земля трясётся? — Кун Сю замер.

Бай Цзянь, вцепившийся в шерсть на загривке Цзюнь Чи, пискнул:

— Может, это брат Лю дрожит?

— Нет, это сама гора ходит ходуном! — выкрикнул Цзюнь Чи. — Нужно убираться, иначе нас завалит. Либо камни сверху обрушатся, либо почва под нами просядет.

Младший из грызунов заверещал:

— Там же холод собачий! Снаружи мы замёрзнем в момент! А тут ещё может обойтись!

— Если завалит — не выберемся, — отрезал Цзюнь Чи. — Уходим. Если нора уцелеет, вернёмся.

Зверькам ничего не оставалось, как выскочить наружу. Снег уже доходил им до брюха, ветер сбивал с ног, превращая мир в сплошное белое месиво.

— В Снежном Крае бураны и похлеще, — пропыхтел Кун Сю, пробираясь сквозь сугробы, — но почему сейчас так зябко?

Дрожь земли нарастала. Пять теней отчаянно рвались вперёд, а их следы мгновенно заносило снегом. Бай Цзянь благоразумно зарылся поглубже в мех Цзюнь Чи.

Внезапно позади раздался оглушительный грохот. Огромные валуны вместе с пластами снега сорвались вниз, погребая под собой их прежнее жилище. Склон горы обнажился, превратившись в зону смерти.

Мыши замерли, глядя на разрушения. Сердца крохотных существ бешено колотились от ужаса и осознания того, как близко была гибель.

— Смотрите, сколько там муравьёв, — подал голос Второй брат.

— Да, тьма-тьмущая, — подтвердил Четвёртый.

— Видимо, они изрыли всё под нами своими ходами, — рассудил Кун Сю. — Почва размякла, не выдержала веса камней и снега. Вот всё и рухнуло.

Все взгляды обратились на Бай Цзяня. Тот ещё глубже зарылся в шерсть Цзюнь Чи и виновато пробормотал:

— Я не знал, что наше соседство приведёт к такому...

Ему явно было не по себе. Поколебавшись, он высунул голову:

— На открытом снегу они все погибнут. Им нужно срочно уходить.

Он уже собрался спрыгнуть, но Цзюнь Чи удержал его:

— Куда ты? Сразу закоченеешь. Я донесу.

— Спасибо, брат Лю.

Пока Кун Сю уводил остальных братьев в сторону роши, Цзюнь Чи вернулся к месту обвала. Муравейник был разрушен, насекомые в панике копошились на снегу, массово погибая от холода.

Бай Цзянь принялся отдавать приказы. Оставшиеся в живых муравьи начали стремительно сбиваться в плотные шары. Внешний слой насекомых принимал на себя удар стихии: они

замерзали заживо, превращаясь в ледяной панцирь, но не отпускали сородичей, давая тем, кто внутри, шанс выжить.

Эти живые сферы покатались вниз по склону к лесу. По пути муравьи гибли сотнями, внешние слои шаров осыпались, и их место тут же занимали новые добровольцы, жертвуя собой ради колонии.

К тому времени, как они добрались до деревьев, Цзюнь Чи почти не чувствовал лап от холода.

Но в роще их ждало спасение. Кун Сю и братья уже разрыли глубокий слой палой листвы под корнями старого дерева. Снег пришёл внезапно, и листва под ним ещё сохранила тепло, а процессы гниения поддерживали внутри уютную температуру.

Муравьиные шары распались, и живой поток насекомых хлынул в тёплую прель, затаскивая внутрь даже тела своих павших товарищей. Мыши же обустроились в просторной норе под корнями. Там уже жили какие-то насекомые, но выбирать не приходилось — звери забились внутрь, законопатив вход сухими листьями.

Мир снаружи окончательно исчез в белой мгле. Оставшимся участникам предстояло пережить самую долгую и холодную ночь в их жизни.

Четвёртый и Пятый братья нашли в глубине норы какие-то корни и личинок. Они предложили еду остальным, но Кун Сю покачал головой, глядя на Цзюнь Чи.

— Ешьте сами. Нам с братом Лю осталось продержаться полдня, а вам тут жить ещё долго. Берегите припасы.

Цзюнь Чи кивнул, поддерживая друга. Только Бай Цзянь, чей организм не мог долго обходиться без подпитки, принялся грызть сочный кусочек коры.

Когда в сознании раздался голос, возвещающий об окончании четвёртого этапа, Цзюнь Чи и Кун Сю, голодные и усталые, прижимались друг к другу, согреваясь.

— Нам пора, — шепнул Кун Сю остальным грызунам. — Будьте осторожны и берегите себя.

— Куда же вы? — растерялся Четвёртый. — Мы пойдём с вами!

— Туда вам нельзя, — грустно ответил Кун Сю.

Цзюнь Чи промолчал. В мгновение ока реальность дрогнула, мир зверя рассыпался прахом. Тьма накрыла сознание, а когда он открыл глаза, то обнаружил, что стоит в величественном зале.

Он посмотрел на свои руки, ощутил тяжесть собственного тела. Месяц в шкуре лесной мыши остался позади, превратившись в странное, полное лишений, но бесценное воспоминание. Он не успел попрощаться с теми тремя мышами, что считали его братом, но верил: теперь, когда разумные «захватчики» покинули их тела, настоящие лесные жители вернутся и продолжат свой путь.

<http://bllate.org/book/17440/1664205>